
Имран Фаикоглу
НЕВЕСТА ЛЕСА
Иногда вымысел становится реальнее самой жизни

Имран Фаикоглу

Невеста леса

«Автор»
2026

Фаикоглу И.

Невеста леса / И. Фаикоглу — «Автор», 2026

Учитель наконец-то выбирается в отпуск и едет к другу, писателю Асифу, на горную дачу у самого обрыва. Пиво, картошка в золе, ночные разговоры о любви и литературе: всё обещает безмятежное лето. Но с каждым днём Асиф всё больше напоминает человека, который ждёт беды, а привычный мир вокруг начинает давать трещины.Эта история о том, что прошлое не остаётся на полке, а слова и придуманные нами судьбы иногда возвращаются за расплатой.

© Фаикоглу И., 2026
© Автор, 2026

Невеста леса

Невеста леса.

Посвящается моей супруге и моему другу. А ещё — моему отцу. Если он прочитает эту повесть на небесах, я буду рад!

Имран Фаикоглу.

«И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли».
Бытие 4:10

«Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина».
Книга пророка Иезекииля 18:2

«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: "Мне отмщение, Я воздам"».
Послание к Римлянам 12:19

1

Эта история началась много лет назад и до сих пор ещё не подошла к концу.

Я сидел в кресле-качалке у отвесной скалы и перескакивал глазами с одного облака на другое. Иногда мне приходила в голову странная мысль: где бы найти второе такое кресло, поставить его возле другого, ещё более крутого обрыва и попробовать передать кому-нибудь всю диковинную красоту, которая открывалась передо мной?

Скала уступами спускалась к долине, а далеко внизу, словно тонкая серебряная нитка, блестела река. По утрам над ней поднимался туман, а ближе к полудню исчезал, и тогда казалось, будто вся долина лежит на ладони. Слева темнел лес, справа поднимались голые каменные склоны. Иногда из-за гор появлялись орлы и долго кружили над пропастью.

Я, учитель, который наконец-то выбрался в долгожданный отпуск, оказался на краю обрыва, на даче моего давнего друга Асифа. Это был небольшой земельный участок, с трёх сторон огороженный деревянным забором, с маленьким, но уютным летним домиком, прятавшимся в тени огромной чинары. Четвёртой стороной участок упирался в обрыв.

Упоённый умиротворением, которое дарил мне этот пейзаж, я тотчас же попросил Асифа – а больше обратиться тут было не к кому – помочь передвинуть массивное старое кресло-качалку с давно облезшей обивкой к самому краю пропасти.

И вот я уселся перед этой обнажённой, нетронутой природой, решив хотя бы на время забыть обо всём на свете.

Асиф, как и я, был заядлым холостяком. Родился он в этой же деревне, в этом самом домишке, но уже будучи подростком перебрался в столицу, где начал кутить и дебоширить, а утром после опохмела писать книги. Будучи единственным ребенком в семье, после смерти отца он унаследовал землю вместе с домом и с тех пор приезжал сюда лишь летом — попить пивка, позагорать и провести время с очередной девицей.

Когда Асиф был маленьким, обрыв ограждала сетка-рабица. Но с годами она окончательно прогнила, провисла и теперь лежала, кое-как скрученная, возле забора.

К тридцати пяти годам Асиф успел написать роман, о котором несколько месяцев говорили люди, привыкшие обсуждать исключительно литературу и самих себя. Его приглашали на вечера, просили дать интервью, называли голосом поколения, хотя само поколение, казалось, об этом даже не подозревало.

Успех пришёл к нему внезапно и как-то не по размеру. Будто ему подарили дорогое пальто, которым он какое-то время любовался перед зеркалом, не замечая, насколько трагически нелепо оно на нём сидит.

Вроде бы, жизнь складывалась именно так, как он когда-то мечтал: гастроли, публичные читки перед аудиториями прыщавых студентов, скромные и не очень поклонницы.

Надо признать, Асиф и впрямь был недурён собой. Широкие плечи венчала самая обыкновенная голова, зато ум отличался редкой остротой. Иначе трудно объяснить, каким образом он всё же сумел понять, чего ему не хватает.

А не хватало ему банального внимания. Да, именно так он и сказал:

— Не хватает, — говорит, — простого человеческого внимания.

Я тогда даже не сразу нашёлся с ответом. Куда уж больше внимания к его персоне, если вокруг него и без того стоял почти хищный ажиотаж: взгляды, обсуждения, случайные знакомства, намеренные улыбки, люди, которые словно заранее знали его имя. Я же был для него своего рода Санчо, пока хитроумный идальго отбивался от назойливых книголюбов, как от ветряных мельниц.

Книжки его меня совсем не интересовали, поэтому и делить со мной было нечего. Конечно, Асиф почитывал мне свои повести, и я внимал не без удовольствия. Он умел рассказывать так, что даже самый обыкновенный случай приобретал какой-то особенный смысл. Я слушал, иногда перебивал, задавал вопросы, но никогда не пытался изображать из себя знатока. Мне хватало того, что он был доволен, когда заканчивал очередную главу и видел, что я не уснул.

К тому же у меня получалось говорить ему правду, и чаще всего выходило даже не швыряться ею, как мокрой тряпкой, а осторожно накрывать его, словно пледом.

Асиф ведь был человеком куда более ранимым, чем хотел казаться. Он мог часами рассуждать о человеческой глупости, с лёгкостью высмеивать чужие недостатки и с видом знатока объяснять, почему очередная книга не стоит потраченной на неё бумаги. Но стоило кому-нибудь сказать что-то нелестное о нём самом, как вся его бравада куда-то испарялась.

Впрочем, в последнее время даже мне приходилось нелегко. Асиф словно утратил способность смеяться над собой, а ведь прежде именно это качество не раз выручало его в самых нелепых обстоятельствах. Теперь же любая неудача приобретала в его глазах размеры катастрофы, и мне оставалось лишь надеяться, что здешняя тишина, лес и река внизу постепенно вернут ему прежний нрав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.